УДК 1(091)

DOI [dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2018-3/122-127](https://doi.org/10.24866/1997-2857/2018-3/122-127)

Е.Н. Мотовникова*

ОРГАНИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ ИСТОРИИ: СТРУКТУРА И СМЫСЛЫ**

Статья содержит изложение актуальных аргументов в пользу органического понимания истории как основы исторического образования и просвещения. На основе обращения к классическим работам русской органической школы (А.А. Григорьева, Н.Н. Страхова, К.Н. Бестужева-Рюмина и Г.С. Померанца) показана социальная и эпистемологическая предпочтительность уходящего горизонта личностно-смыслополагающей истины органического понимания перед догматическими формулами исторической идеологии и теоретического позитивизма. Автор обосновывает необходимость формирования в обучении и просвещении установок целостно-органического исторического видения и критического мышления для распространения идеи единства истории при многообразии ее понимания и трактовок в сложном современном обществе.

Ключевые слова: органическое понимание истории, русский органицизм, догматизм, смыслополагание, холизм, антипозитивизм, историческое образование

Organic view of history: structure and meanings. ELENA N. MOTOVNIKOVA (Belgorod National Research University)

The article makes a case for the organic understanding of history as the basis of historical education. Appealing to the classical works of the Russian organic school (Apollon Grigoriev, Nikolai Strakhov, Konstantin Bestuzhev-Ryumin and Grigory Pomerants) the author states social and cognitive preference of the outgoing horizon of personal truth within the framework of organic understanding over the dogmatic formulas of historical ideology and theoretical positivism. The author justifies the need to formulate attitudes of the integral-organic historical vision and critical thinking in teaching, which would serve to distribute the idea of the unity of history along with the diversity of its understanding and interpretations in a complex modern society.

Keywords: organic view of history, Russian organicism, dogmatism, meaning-making, holism, anti-positivism, history education

Органическое понимание истории должно сегодня рассматриваться, на мой взгляд, не только как наилучший, но и актуально един-

ственный правильный подход в преподавании истории в средней и высшей школе, как и в широком историческом просвещении, в популяр-

* МОТОВНИКОВА Елена Николаевна, доктор философских наук, профессор кафедры философии и теологии Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета.

E-mail: motovnikova@bsu.edu.ru

© Мотовникова Е.Н., 2018

** Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ. Проект № 18-011-01252.

зации исторических знаний через литературу и СМИ. Если в работе профессиональных историков разработка исторических теорий («моделей развития»), по-видимому, неизбежна, то для «потребителей» исторического знания никогда не следует превращать историю в ее противоположность – теорию (в рамках классического эпистемологического противопоставления логического и исторического), при условии, что мы видим в истории инструмент развития национального и гражданского сознания и самосознания, а не разжигания страстей гражданской распри и идеологической (информационной) войны.

Органическое историческое понимание, известное с античных времен (аристотелевский телеологизм), приобрело особую значимость в Новое и Новейшее время как противовес волне позитивизма, накрывшей исторические науки, как такая метаисторическая позиция, которая принципиально отвергает общезначимость любых теоретических моделей (монофакторных или полифакторных) объяснения таинственных в своей глубинной основе процессов жизни, идет ли речь о биографии частного человека (личности, живущей свою жизнь в поле индивидуальной свободы и ответственности) или о коллективном историческом субъекте (органической культурно-национальной общности), также необъяснимом вполне и непредсказуемом в своей целостной судьбе в мире.

Органическое мышление, вопреки все еще распространенным позитивистским ошибочным его истолкованиям, несводимо ни к системному подходу, ни тем более к пресловутой «биологической метафоре» (вторичной по отношению к философской идее органического целого). Наиболее важные структурные основы органического мышления как особенного, специфического стиля научного мышления (Б. Пружинин), составляют установки, известные в философии как холизм (или холистичность), телеологизм, познавательный кеносис и теоретический скепсис. Это означает, что недоверие к рассудочному познанию, склонному к абстрагирующей аналитичности, мнимым следованиям и поспешным обобщениям, органический мыслитель направляет прежде всего на себя самого (внутренняя полемичность), постоянно подвергая свои собственные, как и чужие, концептуализации испытаниям контраргументами, опровержениями «от противного». В неисчерпаемой событийности исторического предмета познания никто не может быть уверен ни в чем

со степенью очевидности или верифицирующей/фальсифицирующей наглядности, но если испытания сомнением (Р. Декарт) выдержаны, то результат познания следует признать заслуживающим внимания и включения в более широкий контекст знания, даже если это потребует серьезного пересмотра традиции, полемики с устоявшимися представлениями и образом мыслей. В этом скепсисе и кеносисе исторический органицизм обнаруживает свою научную состоятельность, познавательную серьезность, проявляющиеся как последовательное и твердое эпистемологическое самоограничение.

Что же касается способов приращения знания и углубления понимания, то есть творческого познавательного начала, то органическое исследование стремится, во-первых, принимать в качестве значимых именно специфические, оригинальные черты, проявившиеся уже как характерные (индивидуализирующие) для данного изучаемого исторического феномена, и искать в его прошлом истоки («зародыши», «зерна», «семена» и т. п.) этого своеобразия; а во-вторых, не замыкать все внимание на отдельных, пусть даже самых ярких, чертах, но стараться учесть взаимовлияния разных характеристик внутри исторического целого и воздействий на него извне, составить целостный образ, выявить исторические связи («корни») его взаимоотношений с большим миром (с «почвой» и «средой»), в котором он, как раз в силу своего своеобразия, играет некую органически важную роль. Обилие биологических метафор в описании методов органического исторического исследования говорит только о том интуитивно очевидном факте, что для формирования новых понятий о живых исторических связях и процессах лучше подходит лексический материал языка биологии, чем физики или математики. И хотя никаких принципиальных запретов в этом процессе научного словотворчества не существует, стилистические смысловые предпочтения сразу дают понять, с какой парадигмой исторического мышления мы имеем дело в данном конкретном тексте (описываются «движущие силы» и «причины» или «духи» и «вихри» русской революции, например).

Таким образом, в органическом историческом описании и/или исследовании мы несколько раз, подвижные исследовательским интересом и упомянутым скепсисом, меняем масштаб целого и ракурсы его рассмотрения, сам рассказ ведем неповторимым (не методическим) путем,

не зная заранее не только конечного пункта, но и того, не придется ли вернуться и переписать какую-то часть истории из-за открывшихся новых значимых деталей (сколько раз переписываются биографии великих людей, хроники жизни которых известны, кажется, поминутно).

Такая генетическая цельность и связность повествования, историческая в узком смысле слова, есть структура, вызывающая порождение смысла, наводящая и исследователя-рассказчика, и читателя-реципиента на телеологическое видение исторического процесса. Смысл как мысль о самом главном в некой истории не задается здесь теоретически, в начале, и не следует в конце как логический вывод или обобщение, а рождается как ответ на вопрос о смысле – когда, если, поскольку и как этот вопрос задается; органический исторический текст – это подлинно открытая структура.

Телеологизм в истории вариативен и полемичен: вспомним версии смысла российского исторического примера перед лицом западной цивилизации («Европы»), извлеченные из его существенно органического рассмотрения П.Я. Чаадаевым, В.С. Соловьевым и Н.Я. Данилевским в XIX в. (можно специально обратить внимание на то, что даже при пересказе этих концепций непременно используются вопросные тропы: «Чаадаев задается вопросом...», «Данилевский задается вопросом...») и вновь актуальные в наши дни (если мы задаемся этими же вопросами). Это полемическое многообразие само по себе органично для исторического познания, как и для научного исследовательского мышления в целом, в отличие от догматизма теоретических схем – «одноточных теорий» (Г. Померанц). «Анти-органические», сознательно абстрагирующие от своеобразия исторических индивидуальностей обобщающие модели истории продолжают появляться и сегодня, как, например, теория технико-информационного развития (прогресса), в которой теоретически преодолеваются (архаизируются) факторы национальной культуры и естественного человека в качестве основных, определяющих факторов исторического развития (так или иначе принимаемых во внимание в классическом марксистском учении о тотальной классовой борьбе и глобальном коммунистическом будущем). Случайно ли, что на пике признания информационного подхода в истории (если считать несомненным признаком такого признания тривиализацию концепции «постиндустриального / информационного общества»

через учебные программы вузов и школ) в мире заговорили о кризисе, откате и даже «закате глобализации»? Более того, под разговоры об архаичности этнического гражданства и национальных культур мы видим, как депривация национального оборачивается «восстанием архаики» (В. Пастухов) в самых грубых, доцивилизованных, негуманных и антигуманных ее проявлениях.

Об ошибочности и опасности лишения истории надежных традиционных оснований страстно-обеспокоенно писал русский органицист А.А. Григорьев. Культ линейного развития, умственный (теоретический) прогрессизм, перенося понятие об идеале и совершенстве человека в бесконечное будущее, оставляет его в настоящем без всякой нравственной опоры, с ложным представлением о своем «величии» по отношению к людям прошлого и в ожидании «поглощения» еще «яснейшим» будущим (см.: [1, с. 46–47]). Именно воплощение вечных и абсолютных идеалов, а не текучки современной жизни, является, согласно мысли Григорьева, смыслом настоящего искусства – художественной вершины и достойной цели исторического творчества человека, – и этими же вечными идеалами-ценностями красоты, правды и любви измеряется совершенство произведения («рожденного», а не «сделанного») любой эпохи, а совсем не верностью изображения «натуры» историчной общественной жизни или теоретических представлений его автора о должном и сущем. Кризис современной эстетики в этом смысле вполне соответствует неорганическому характеру современного (в специальном смысле этого слова) искусства, живущего в параллельном мире по отношению к классической исторической традиции.

Об этой нравственной индифферентности внеисторического, внетрадиционного конструирования социальной и ментальной реальности размышлял уже в XX в. Г.С. Померанц. Универсальные логические формы представления понятий о виртуальной реальности феноменов научного предметного поля могут составлять сколь угодно протяженные ряды конструкций разной сложности (от геометрических и механических до синергетических), между которыми нет никакой иерархии смыслов (если не подменять человеческие смыслы так называемыми «уровнями сложности», или более ранними «формами движения материи» (Ф. Энгельс, Б. Кедров и др.), или их предшественницей, иерархической «лестницей наук» О. Конта).

Впитав наукообразность в процессе институализированного образования, мы привычно не замечаем и не удивляемся, что в шаблонных теоретизирующих описаниях («объект – предмет – метод») не видно ни живой преемственности исследования, ни оригинального творчества мысли – они не самобытны, не рождены из себя и для саморазвития, а «сделаны» (Ап. Григорьев), сконструированы, как «винтики» или «клеточки», всецело подчиненные универсальному космическому целому (холизм без телеологии). Если же стряхнуть с теоретической схемы обаяние позитивистской формальной простоты и красоты и задать в отношении исторической идеи вопрос, в чем ее глубина и мудрость, действительно ли «тайна прибавочной стоимости» является ключом к разгадке великой тайны истории, а прогресс производительных сил закономерно избавляет людей от зла и унижений, ответ будет, скорее всего, грустным и ироническим. «Все бедствия прошлого были объяснены: люди просто не понимали, что дважды два четыре. Теперь они поняли это, и впереди замаячило светлое будущее» [2].

Теоретизм и методологизм как стилистические мыслительные установки по существу своему противоречат свободному и личностно заинтересованному, внимательному органическому разглядыванию, всматриванию, «вчувствованию» в живое и его историю. «Вообще совершенно неправильно рассматривать органические категории как какие-то заранее составленные образы или мнения, к которым мы потом стараемся пригнать все, что нам ни встретится» [3, с. 120–121]. Органическое понимание истории изначально исходит из автономного самоопределения человека и его отдельной жизни (исторической личности) и его самобытного (Н. Страхов), свободного, самообусловленного, искреннего и ответственного поступка (М. Бахтин), перенося эти субъективные характеристики свободы и ответственности с отдельного «я» на коллективные исторические «мы» (О. Розеншток-Хюсси), когда такое коллективное сознательное «поступание» имеет место, и общность проявляет себя как ответственный исторический субъект (в меру общей сознательной целеустремленности, свободы и ответственности). Традиция русского органицизма, укорененного в особой исторической почве специфической религиозности русской философии, сохраняет глубину и высоту Григорьевской мысли о том, что подлинная основа жизни общества и его истории, а также и осно-

вание для истинного исторического суждения, и адекватный критерий для оценки развития (как степени приближения к своему совершенному состоянию) – не теории, стремящиеся, сменяя друг друга, выразить «отвлеченный дух человечества», а единый, всем эпохам понятный, боговдохновенный идеал человеческой души – «идеал правды, красоты и любви» [1, с. 47], познаваемый целостным органическим видением.

Возвращаясь к основной мысли этой статьи, хочу еще раз подчеркнуть: органическое понимание истории – единственно адекватная нашему времени установка преподавания истории в учебных заведениях и ее популяризации через СМИ. Историческое знание, общее образование воспринимается сегодня общественными группами как полный аналог самосознания (разума) отдельного человека, и история снова стала «формой общественного сознания», ареной жарких идеологических сражений. В ситуации явно возросшей неопределенности ближайшего будущего у людей обостряется не только чувство самосохранения, но и сознательная забота об адекватности понимания самой этой ситуации и своего в ней места и участия. Сегодня, как и в тревожной переломной обстановке рубежа XIX–XX вв., можно повторить слова К.Н. Бестужева-Рюмина: «У всех народов мы видим стремление к полному и всестороннему изучению своего настоящего и прошедшего; то, что когда-то считалось признаком учености или тайною канцелярии, делается теперь общим достоянием. Факты исторические, статистические, этнографические, постоянно приводятся в разговорах: ими подкрепляются или опровергаются всякие суждения...» [4, с. 44]. Объемы нынешних продаж исторической литературы нон-фикшн показали бы историкам конца XIX в. просто фантастическими, однако само по себе распространение интереса к исторической литературе еще не означает углубления исторического знания и понимания; здоровый интерес и настоящая заинтересованность должны быть направлены на выяснение исторической истины во всей ее достижимой полноте, а для этого должны быть предприняты личные познавательные усилия, в которых бы реализовалась возможность продвижения к правде свершившегося сквозь мифы и тайны, через деконструкцию разного рода исторических идеологий.

Размышляя о задачах популяризации исторического знания в массах людей, не обладающих специальным историческим образованием, не способных в силу этого к критическому отно-

шению к публикуемым документам и статьям, зачастую нацеленным на пропаганду, «проведение той или другой мысли, и притом так, что мысль выражается нередко только в подборе фактов, в более ярком освещении той стороны, которую более желательно осветить» [4, с. 45], К.Н. Бестужев-Рюмин как будто писал о нас (что дает нам лишнее опровержение теории умственного и нравственного прогресса в ученых кругах). Как опытейший педагог и публицист, он очень точно формулировал главную проблему исторического просвещения: сталкиваясь с историческим нарративом или документом (особенно это касается, конечно, недавнего прошлого своего народа, всегда наименее исследованного и наиболее мифологизированного), обычный человек полагается на свой здравый смысл и «банальную эрудицию», из-за чего ему «приходится или принять совершенно ложное, но искусно сочиненное известие, или отвергнуть то, что действительно было, и что кажется невероятным...» [4, с. 46], а невероятное в форме неожиданного встречается в истории постоянно. При этом даже совершенно верно изложенный факт или документ, «вырванный из своей действительной обстановки, ... может нередко вести к совершенно ложным заключениям» [4, с. 47]. Историка здесь больше всего беспокоит и возмущает имеющая место практика выдергивания и передергивания фактов, сокрытие части информации с манипулятивными целями, и его неприятие вполне понятно. Но что значит «действительная обстановка»? Какова мера полноты и достаточности контекстуального сопровождения фактов, чтобы все вместе исключило ложное истолкование прочитанного? Если люди способны противоположным образом истолковать одно и то же событие, свидетелями которому они явились, то какой контекст и какое истолкование принимать за исторически достоверное? К.Н. Бестужев-Рюмин писал, что «такие объяснения дает только цельное, связное изложение» [4, с. 47]. Но ведь именно философско-исторические, модельно-теоретические и просто идеологические схемы способны создавать видимость такой цельности и связности, какая просто недостижима для всегда противоречивой и разорванной живой действительности. Как создать убедительную цельность и связность без симпатий и антипатий к персоналиям, без домислов и без упрощения отношений и событий?

На опасность строгой научной формы для исторического знания много раз указывал

Г.С. Померанц: «Факты, по которым, как по шпалам, проложены рельсы логики, становятся незыблемыми, коренными, решающими. Факты, противоречащие теории, вообще не факты, а (как выразился классик) фактики. <...> Чем однозначнее отправной пункт мысли, тем сильнее угроза порабощения духа логикой...» [2]. А логическое как правильное, последовательное и необходимое – полный антипод исторического, живая суть которого состоит в творчестве, в постоянном выходе из установленных правил, в изменении сложившихся последовательностей. Научные предрассудки, вроде приоритета логического над историческим, складываются у многих будущих историков в том возрасте, когда они еще не знают, что захотят после школы (а то и после армии) заняться историей и что формализм и логицизм мышления будут для них не помощниками (как в позитивистски ориентированной средней школе), а помехой и слабостью. Научные предрассудки, которые не осознаются в качестве именно предрассудков и предпосылок, становятся таким же препятствием движения к полноте истины, как слепое пятно в сознании ученого, обусловленное его культурно-историческими факторами. Поэтому и специальное научное, и общее историческое образование необходимо должны дополняться формированием развитой философской рефлексивности и критического мышления, чтобы уметь сознательно избегать «одноточных теорий» и логико-методологического самогипноза. Историческое просвещение может и должно предостерегать, учить беречься от этого гипноза и соблазна, опираясь на внятное предупреждение нашей великой литературы и трагического опыта недавней отечественной истории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Григорьев А.А. Критический взгляд на основы, значение и приемы современной критики искусства // Григорьев А.А. Искусство и нравственность. М.: Современник, 1986. С. 31–69.
2. Померанц Г.С. Одноточные теории // Григорий Померанц и Зинаида Миркина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pomeranz.ru/p/pub_one_thread.htm
3. Страхов Н.Н. Органические категории // Вопросы философии. 2009. № 5. С. 116–124.
4. Бестужев-Рюмин К.Н. Задачи популяризации знаний. (Неизданная статья К.Н. Бестужева-Рюмина) // Исторический вестник. 1897. Т. LXVIII. С. 42–47.

REFERENCES

1. Grigoriev, A.A., 1986. Kriticheskii vzglyad na osnovi, znachenie i priemi sovremennoi kritiki iskusstva [A critical look at the fundamentals, meanings and techniques of contemporary art criticism]. In: Grigoriev, A.A., 1986. *Iskusstvo i nravstvennost'*. Moskva: Sovremennik, pp. 31–69. (in Russ.)
2. Pomerants, G.S. Odnonitochnye teorii [One-thread theories]. URL: http://www.pomeranz.ru/pub_one_thread.htm (in Russ.)
3. Strakhov, N.N., 2009. Organicheskie kategorii [Organic categories], *Voprosy filosofii*, no. 5, pp. 116–124. (in Russ.)
4. Bestuzhev-Ryumin, K.N., 1897. Zadachi populyarizatsii znaniy. (Neizdannaya stat'ya K.N. Bestuzheva-Ryumina) [Problems of knowledge popularization (An unpublished article of K.N. Bestuzhev-Ryumin)], *Istoricheskii vestnik*, Vol. LXVIII, pp. 42–47. (in Russ.)